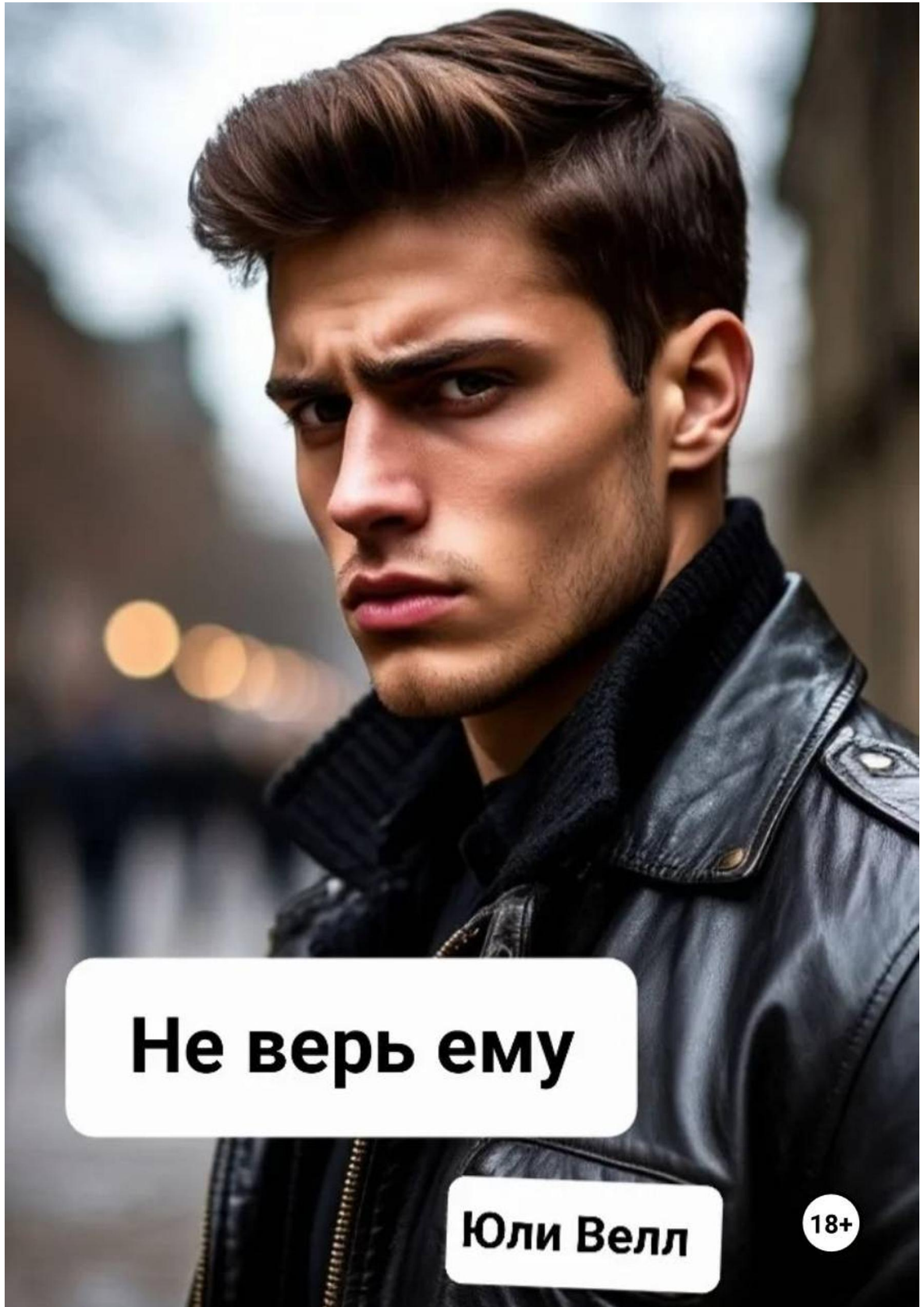

Не верь ему

Юли Велл

18+

Юли Велл

Не верь ему

«Автор»

2026

Велл Ю.

Не верь ему / Ю. Велл — «Автор», 2026

Она приехала в элитный университет с одним чемоданом и надеждой. Её брат погиб при загадочных обстоятельствах, и Даша Кузнецова готова на всё, чтобы узнать правду. Она не знает, что главный человек в этом университете, Дэн Терехов. Его клуб — место, где богатые мальчики платят за запретные удовольствия. И Даша становится его жертвой. Он ломает её, шантажирует. Он заставляет её быть с ним. Но в этом аду рождается не только ненависть. Она чувствует к нему то, что невозможно контролировать. Он влюбляется в неё, теряя контроль над своей жизнью. Сможет ли она простить того, кто разрушил её мир? И есть ли шанс на счастье у того, кто начал с предательства? Остросюжетный, эмоциональный роман о боли и страсти, о том, что даже из самой тёмной тени можно найти путь к свету.

© Велл Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Императорский Столичный	5
Глава 2. Первый отказ	11
Глава 3. Первое понимание	15
Глава 4. Два дня из жизни	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Юли Велл

Не верь ему

Глава 1. Императорский Столичный

Я ехала в этот университет полтора часа на двух маршрутках и одном автобусе, который пах потом и жареной картошкой. Мои вещи поместились в один старый чемодан на колёсиках – мама замотала его скотчем в трёх местах, чтобы не развалился. Папка с документами лежала у меня на коленях. Я держала её как бомбу. Если бы я потеряла документы, обратной дороги не было бы.

– Даша, может, не надо?

Мамин голос всё ещё звучал у меня в голове. Она стояла на пороге нашей квартиры, кутаясь в старый халат, и смотрела на меня так, будто я ухожу на войну.

– Надо, мам.

– Тот же город. Тот же университет. Даша, я не переживу, если...

Она не договорила. Мы обе знали, что она хотела сказать.

Если с тобой случится, то же, что с Сашей.

Саша. Мой старший брат. Умный. Красивый. Весёлый. Поступил в Императорский Столичный Университет три года назад. Все в районе говорили – выбился в люди. А через два года учебы он выпал из окна общежития на пятом этаже.

Официальная версия – самоубийство. Но Саша не был самоубийцей. Он звонил мне за неделю до смерти. Говорил странные вещи. Про какую-то игру. Про людей, которые не прощают ошибок. А потом он упал. И никто ничего не видел. Никто ничего не знал.

– Я должна, мам, – сказала я тогда. – Не ради учёбы. Ради него.

Мама заплакала. Я взяла чемодан и вышла.

Мама была мягким человеком. Очень мягким. Она не умела скандалить, не умела ругаться, не умела давать отпор. Даже с соседками, которые вечно сплетничали, она не могла поругаться. Она просто молчала, улыбалась и уходила. Она была доброй до невозможности. Она отдавала последнее, если кто-то просил из близких. Она никогда не жаловалась. Она просто жила и делала всё, чтобы мы были счастливы.

Но мы с Сашей были не такими. Мы пошли в отца. Того самого отца, который ушёл, когда мне было пять. Я плохо помнила его, но мама иногда рассказывала. Она говорила, что он был упрямым, горячим, всегда боролся за своё. Он не умел сдаваться. Видимо, это передалось нам.

Я помню, как в школе надо мной пытались подшутить. Как одноклассники смеялись над моей одеждой, над моими старыми ботинками. Но я никогда не позволяла им унижать меня. Я смотрела им прямо в глаза и отвечала так, что они замолкали. Я не лезла в драки, но я умела постоять за себя. Я не была трусихой. Я не была мягкой.

Теперь я сидела в автобусе и смотрела в грязное окно. Город за ним менялся. Сначала панельки, гаражи, облезлые остановки. Потом вдруг пошли зелёные насаждения, кованые заборы, дорогие иномарки, аккуратные газоны, клумбы с цветами. Город становился красивее, богаче, чище. Я смотрела на этот новый мир и понимала, что моя жизнь больше не будет прежней. Я смотрела на ворота университета, которые уже виднелись вдалеке, и чувствовала, как внутри меня нарастает страх и надежда одновременно. Я не знала, что меня ждёт там, за этими воротами.

Мы подъехали к воротам.

Я вышла из автобуса. Здесь не было ларьков с шаурмой. Не было гаражей и мусорных баков. Здесь стояли металлические ворота высотой с трехэтажный дом, а за ними – аллея из идеальных лип. Здания вдалеке сияли.

Над воротами – кованые буквы. Официальное название. Императорский Столичный Университет. Звучало как приговор.

Но студенты, которые сновали туда-сюда с кофе в руках и беззаботными лицами, называли его проще – Элитка. Место для избранных. Для тех, у кого родители владеют нефтью, газетными холдингами и, возможно, целыми странами.

А ещё для таких, как я. Кто выиграл государственную стипендию за максимальные баллы на экзаменах. Кто приехал с одним чемоданом и надеждой на лучшую жизнь.

Ну и кто не верит в самоубийство брата.

Я стояла с чемоданом, чувствуя себя дворнягой у забора питомника, и пыталась понять, куда идти. Ворота были открыты, но внутри начинался лабиринт корпусов. Пахло свежей листвой и дорогим парфюмом.

– Потерялась?

Я обернулась. Девушка. Короткие розовые волосы. Татуировка на руке – веточка сакуры от запястья до локтя. Джинсы с дырками, но такие дорогие, что дырки явно стоили больше моих новых кроссовок. Она улыбалась. Не надменно, а по-человечески.

– Похоже на то, – призналась я. Чемодан жалобно скрипнул.

– Первый курс?

– Первый.

– Специальность?

– Прикладная лингвистика.

– Катя, – девушка кивнула. – Третий курс, культурология. Иди за мной, провожу до приёмной комиссии. А то тут без карты местные съедят.

– Местные? – переспросила я.

– Ага, – Катя подмигнула. – Они безобидные, если не путаться под ногами. Но ты путаться будешь. Как и все мы поначалу. Пошли.

Я пошла за ней. Чемодан гремел колёсами по идеальному асфальту.

– Откуда сама? – спросила Катя, не оборачиваясь.

– Из Заводского.

– А, знаю. Пахнет углём.

– И безнадёгой, – добавила я.

Катя усмехнулась.

Мы прошли через арку. Я впервые увидела главный двор. Фонтан с чёрной водой. Скамейки из гранита. Статуи каких-то древних ректоров. И люди. Много людей. Они сидели группами, разговаривали, смеялись. На них была одежда, которую я видела только в инстаграме, красиво и стильно. Они пили кофе.

Я вдруг почувствовала, что у меня кончился воздух.

– Что с тобой? – спросила Катя.

– Ничего, – соврала я.

– Врёшь, – сказала она спокойно. – Но ничего страшного. У всех первокурсников, как у тебя, это бывает. Ты через месяц привыкнешь. Или уйдёшь.

– Я не уйду.

– Хорошо, – Катя остановилась. – Тогда запомни. Здесь есть три типа людей. Первые – мажоры, у них всё куплено. Вторые – ботаники, они прячутся в библиотеках. Третьи – Дэн Терехов и его компания.

– Дэн?

Катя посмотрела на меня внимательно.

– Не знаешь? Дэн – тот, кто тут всем заправляет. Не официально, конечно. Старшекурсник. Его семья... – она понизила голос. – В общем, если он сказал «нет», значит нет даже у ректора. И он не любит, когда кто-то лезет не в свои дела.

У меня внутри всё похолодело. Не в свои дела. Это как раз про меня.

– А мне чего его бояться? мне с ним делить не чего. – спросила я как можно равнодушнее. Катя усмехнулась.

– Посмотрим.. мажоры любят смазливых первокурсниц. – новая знакомая бросила непонятный взгляд на меня.

– Пойдём, а то комиссия закроется.

Приёмная комиссия располагалась в отдельном крыле. Тяжёлые двери. Кожаные кресла в коридоре. Тишина.

Я зашла в кабинет с табличкой «Документы». За столом сидела женщина. Лет сорок. Волосы уложены в идеальный пучок. Костюм, который стоит как мамина зарплата за полгода. Она даже не подняла голову, когда я вошла.

– Ваш номер в очереди? – спросила она ледяным голосом.

– Я по записи. Кузнецова Даша.

Женщина медленно подняла глаза. Окинула меня взглядом. Её лицо не изменилось, но я почувствовала, что она поставила на мне крест ещё до того, как я открыла рот.

– Документы, – сказала она таким тоном, будто я пришла за бесплатным супом.

Я достала документы из папки и положила на стол. Она пролистала бумаги. Медленно. С выражением лёгкого недовольства, будто мои аттестаты и дипломы олимпиад были чем-то неприличным, может конечно, просто устала от количества людей.

– Государственная стипендия, значит, – протянула она.

– Да.

Женщина поставила печать. Шлёпнула папкой по столу.

– Временную карту получите на выходе. Студенческий – через неделю. Форму – в пятом корпусе. Общежитие – первый этаж, комната 117. Есть вопросы?

Столько вопросов, что хоть книгу пиши. Но я сказала:

– Нет, спасибо.

– Тогда свободны.

Она отвернулась к компьютеру. Я вышла, чувствуя на спине её презрение.

В коридоре я выдохнула. Руки тряслись. Не от страха. От злости.

Временную карту мне выдали на выходе. Маленький пластик с моим фото. Кузнецова Д. А. Гуманитарный факультет. Это пропуск в другой мир.

Я пошла искать пятый корпус. И потерялась. Сразу.

Карта на стене оказалась бесполезной. Лабиринт переходов и цокольных этажей. Я стояла посреди пустого коридора с чемоданом и карточкой в руке. Чувствовала, как внутри нарастает паника.

– Тебе куда?

Я обернулась. Парень. Лет двадцать. В очках. С рюкзаком за спиной. Кроссовки обычные. Джинсы потёртые. Свой.

– В пятый корпус, за формой, – сказала я.

– Я туда же, – он улыбнулся. – Пошли вместе, а то заблудишься. Я Паша. Первый курс. Прикладная математика.

– Даша. Лингвистика.

– Тоже по стипендии?

– Тоже, – кивнула я.

– Отлично, – он усмехнулся. – Добро пожаловать в Элитку.

– Спасибо.

Мы пошли вместе. Паша оказался нормальным. Рассказывал про свою маму, которая работает в школе и откладывала деньги на репетиторов три года. Про то, как боялся не пройти. Прошёл. С трудом.

– Нас, бюджетников, здесь человек тридцать на поток, – говорил Паша, пока мы шли по стеклянному переходу. – Держимся вместе. Своя стая.

Пятый корпус оказался в самом конце кампуса. Стеклопанельная дверь. Металлические шкафчики в коридоре. Запах новой ткани и типографской краски. Я подошла к стойке. За ней сидела женщина с короткой стрижкой и уставшими глазами. Она даже не спросила моё имя. Просто взяла карточку, которую я протянула, сверила с экраном и ушла в подсобку.

Вернулась через минуту. В руках у неё был плотный пакет. Серый. С логотипом университета.

Форма. Серая юбка. Серый пиджак. Белая рубашка. Галстук. Всё новое, в прозрачных упаковках. Дорогая, ткань мягкая, приятная.

Женщина протянула пакет. А следом – лист бумаги.

Оплатите в течение месяца, – сказала она ровным голосом. – 30 000 рублей. Реквизиты внизу.

Я не поняла сначала. Подумала, что ослышалась.

Простите?

За форму, – женщина посмотрела на меня без всякого выражения. – Форма обязательная. Стоимость комплекта – 30 тысяч. Оплата в течение тридцати дней. Если не оплатите – доступ в корпус заблокируют.

Я взяла лист. Пальцы онемели. 30 000 рублей. Это мамина зарплата за два месяца. Это моя стипендия за полгода. Это те деньги, которых у меня нет.

Я открыла рот, чтобы сказать что-то. Про то, что я по государственной линии. Про то, что мне обещали. Про то, что в договоре ничего не было про форму.

Но женщина уже отвернулась к следующему студенту.

– Идите, девушка, – бросила она через плечо. – Не задерживайте очередь.

Я вышла в коридор. Пакет с формой тянул руку вниз. Чек в кармане жёг ногу. Я прислонилась к стене и закрыла глаза.

30 тысяч. Месяц.

Как? Как Саша это сделал? Он же тоже был бедным. Также получил форму. Также должен был заплатить. Но он не говорил мне. Никогда. Не жаловался. Просто приезжал на каникулы с улыбкой и рассказывал, как тут круто.

Я отлепилась от стены и пошла к выходу. В голове крутились цифры. Посудатомойка? Ночные смены? Фриланс? Но у меня нет ноутбука, кроме старого, который включается через раз. Нет связей. Нет знакомых. Есть только месяц и пустой карман.

Добро пожаловать в Элитку, Кузнецова, – прошептала я себе под нос. – Теперь я по-настоящему ощущаю себя нищей.

Общежитие оказалось ровно таким, как обещали. Первый этаж. Комната на двоих. Стол. Две кровати. Две тумбочки. Окно во двор. Свой душ через стенку. Не плохо. Чисто, ремонт свежий.

Моя соседка сидела на кровати и читала учебник. Она была высокой и стройной, с длинными тёмными волосами, которые падали на плечи мягкими волнами. У неё было миловидное, приятное лицо с аккуратным носиком и пухлыми губами. Но самое красивое в ней были глаза – большие, карие.

– Привет, – сказала она, откладывая книгу. – Ты, наверное, Даша?

– Да, – ответила я, ставя чемодан у кровати. – А ты Лена?

– Она самая, – она улыбнулась, и улыбка у неё была тёплой и открытой. – Я тебя заждаюсь. Думала, ты потеряешься в этих коридорах.

- Почти потерялась, – призналась я.
- Ты откуда?
- Из Заводского.
- А я из Краснокамска, – она усмехнулась.

Я засмеялась. Мы посмотрели друг на друга, и я почувствовала, что мы поладим. Лена была той, с кем можно было быть собой. Она не пыталась казаться лучше или важнее. Ну хоть с соседкой повезло.

Через час я вышла во двор. Мне нужно было понять, где тут столовая, где библиотека и как вообще не сдохнуть в первую неделю. Лена разговаривала с мамой по телефону, не стала ей мешать.

- И я снова потерялась на чудной территории учебного заведения.
- Супер.

Корпус гуманитарных наук, крыло Б, – бормотала я, пялясь в навигатор. – Где ты, крыло Б?

- Навигатор показывал ерунду. Телефон тупил. Я тупила.
- И в этот момент я их заметила.

Трое. Вышли из-за угла как хищники. Плавно. С чувством собственного превосходства. Впереди он. Скулы острые. Взгляд тёмный. Чёрная рубашка, рукава закатаны. Красивый, но так, что хочется перейти на другую сторону улицы.

- За ним – парень с телефоном. Потом – огромный детина.
- Они меня заметили тоже.

Главный остановился. Сказал, не оборачиваясь.

- Артур, ты видишь то же, что и я?

Артур поднял голову. Его взгляд скользнул по мне. Как сканер.

Лев хмыкнул.

- Просто девушка заблудилась.

Главный улыбнулся. Одними губами.

- В Элитке или знаешь, куда идёшь, или платишь тому, кто знает.

Он шагнул ко мне. Встал вплотную.

- Эй. Слушай сюда.– Ты кто?

– Первокурсница.

- Это у тебя на лбу написано. Специальность?

– Прикладная лингвистика.

- Поступление? – он прищурился. – Бюджет?

Я промолчала. Он и так знал. Артур уже всё пробил.

– Кузнецова Даша. Государственная стипендия. С отличием, – прочитал Артур. – Интересно.

Меня бросило в жар. Моё имя. Моя стипендия. Они уже всё знали. За минуту.

Главный смотрел на меня. Ждал. Поддел.

- Слушай, Кузнецова. Налево, потом прямо, потом через паркинг.

Я шагнула в ту сторону.

- Стоять.

Я замерла. Сердце колотилось где-то в горле.

- Ты мне ничего не должна за навигацию?

Я повернулась. Сказала как можно спокойнее.

- Спасибо за помощь.

Он засмеялся. Коротко. Почти без звука.

- Спасибо? В Элитке платят либо деньгами, либо услугами. Что у тебя есть, Кузнецова?

Я выпрямила спину.

– Своё слово.

Артур замер. Здоровяк перестал жевать. Главный приподнял бровь. Впервые за весь разговор.

– Слово? – его голос стал тише. – Слово ничего не стоит.

– Значит, я и вам ничего и не должна.

Тишина. Птица на статуе щебетнула. Я не опускала взгляд. Внутри меня тряслось всё. Но я не показывала.

Главный сделал шаг. Очень близко. Я чувствовала его запах – кожа, металл, дорогой парфюм.

– Ты либо очень смелая, Кузнецова, – сказал он тихо. – Либо очень глупая.

– Третье, – ответила я. – Мне плевать на твои правила.

Он усмехнулся как-то хищно. Отступил на шаг.

– Добро пожаловать в Элитку, Кузнецова.

Ушёл. Не обернулся. Сказав последнее слово.

Я стояла и смотрела ему вслед. Колени дрожали. В ушах шумело. Я не знала тогда, что Макс Корсак – правая рука Дэна. Что он запомнит меня. Что они сделают мою жизнь адом.

Но я знала одно. Я здесь. Я не уйду.

Ночью, когда Лена уснула, я сидела на подоконнике и смотрела в окно на чужой красивый двор. На коленях – форма. Рядом – чек на 30 000 рублей. Я перечитала его раз десять. Может, ошибка. Может, мне показалось.

Не показалось конечно, у Лены такой же, но ей оплатят родители.

За стеклом шёл дождь. Он стучал по стеклу, по крышам, по асфальту. Я смотрела на него и думала о брате. Он был моей опорой. Он был тем, кто всегда защищал меня. А теперь его нет. Я должна узнать правду. Я должна узнать, что случилось с ним и кто виноват в его смерти.

Я закрыла глаза и представила его лицо. Его улыбку. Его глаза. Он был таким живым. Он был таким настоящим. Я не могла поверить, что он ушёл. Я не могла поверить, что он просто так ушёл из жизни.

Я открыла глаза и посмотрела в окно. Дождь всё шёл. Он был таким же серым, как мои мысли.

– Я узнаю, Саша, – прошептала я. – Я узнаю, кто виноват в твоей смерти. Я узнаю, почему ты ушёл.

Но что я сделаю, когда я узнаю? Что я сделаю, когда я найду виновных? Ничего. Я ничего не сделаю. Я не смогу вернуть тебя. Я не смогу наказать их. Я просто буду знать. И может быть, это знание поможет мне жить дальше. Может быть, это знание поможет мне понять, что случилось.

Я хочу знать правду. Я хочу знать, что с тобой случилось. Мне просто необходимо это. Я не могу жить в неведении. Я не могу просто забыть. Я должна знать. Даже если это разрушит меня. Даже если это сломает меня. Ради тебя. Ради себя. Ради мамы.

Мама не узнает. Я не скажу. У неё и так сердце болит после потери брата. А у меня есть ровно тридцать дней, чтобы найти эти деньги. Или меня вышвырнут отсюда быстрее, чем я узнаю, что случилось с Сашей.

Я посмотрела на фотографию Саши, которую поставила на тумбочку.

Я выключила телефон и легла спать.

Глава 2. Первый отказ

Я проснулась рано, спала плохо, на новом месте.

Лена спала. Я тихо встала, на цыпочках прошла умылась холодной водой. Посмотрела на себя в зеркало. Вид так себе. Бледная кожа. Волосы торчат во все стороны – я забыла их заплести перед сном. Я наскоро расчесалась, стянула волосы в высокий хвост. Так строже. Так больше подхожу под их стандарты.

Я оделась в своё – серое худи, джинсы, кроссовки. Форму велели носить с завтрашнего дня. Сегодня можно было выглядеть как обычно. Но я всё равно бросила взгляд на пакет с формой, который стоял в углу. Всё новое, дорогое.

Выйдя из общежития, я направилась в главный корпус. Мне сказали, что на первом этаже есть отдел по трудоустройству студентов. Я нашла его без проблем – стеклянная дверь, табличка с золотыми буквами. Внутри пахло кофе и офисной чистотой.

За столом сидела женщина лет сорока. Короткая стрижка. Очки в тонкой оправе. Она улыбнулась, когда я вошла. Улыбка была вежливой, но быстрой.

– Здравствуйте. Чем могу помочь?

– Я студентка первого курса. Хочу найти подработку. Что-нибудь неполный день или на выходные.

Женщина сняла очки. Посмотрела на меня внимательно.

– Первый курс, говорите?

– Да.

– Какой факультет?

– Лингвистика.

– Гуманитарный, – женщина кивнула. – Хороший факультет. Но, к сожалению, мы не берём первокурсников на работу в первом триместре.

Я не поняла.

– Почему?

– Политика университета. Руководство считает, что первый триместр – время адаптации. Нужно привыкнуть к нагрузке, к расписанию, к требованиям. Работа отвлекает. Успеваемость падает. Поэтому – никаких подработок в первые три месяца. Даже на кампусе. Даже посудомойкой.

У меня внутри всё оборвалось.

Черт. Я так надеялась.

– Но мне очень нужно. У меня форма... я должна оплатить...

Женщина подняла руку. Остановила меня.

– Я понимаю. Каждый год приходят такие, как вы. Умные, амбициозные, с горящими глазами. И каждый год мы говорим одно и то же. Первый триместр – учёба. Потом – приходите. После зимней сессии. Тогда поговорим.

– А как же деньги?

– Это ваша забота, – женщина развела руками. – Извините.

Я вышла из отдела. Закрыла за собой дверь. В коридоре было пусто. Я прислонилась к стене и выдохнула. Вдох – выдох. Не плакать. Не сейчас.

Три месяца без работы. Только учёба. А форма? А деньги?

Нет, – сказала я себе. – Значит, буду искать за пределами кампуса.

Я достала телефон, открыла карту. Вокруг университета было несколько кафе и магазинов. Завтра обзвоню всё. А сегодня – пары. Учёба. То, ради чего меня сюда пустили.

Первая пара была по введению в языкознание. Аудитория на сорок мест. Почти всё занято. Я села в середине ряда.

Преподавательница оказалась молодой. Елена Викторовна. Она начала лекцию с шутки про языки. Все засмеялись. Я тоже. На секунду стало легче.

– Лингвистика – это не только про запятые, – сказала она. – Это про то, как люди думают. Как обманывают. Как влюбляются. Как скрывают правду. Каждая ваша фраза – это код. Научитесь его взламывать – поймёте любого.

Я слушала и думала: вот бы взломать код этого университета. Узнать, почему здесь всё так сложно. Но это потом.

После пары я пошла на вторую – практическую фонетику. Мы произносили звуки. Преподаватель, мужчина с бородой и громким голосом, заставлял нас повторять английские гласные. Я чувствовала себя глупо, но старалась.

– У вас хорошее произношение, Кузнецова, – сказал он под конец.

Поставил пятёрку.

Перемена. Я вышла в коридор. Достала телефон. Открыла сайт с вакансиями. Ввела в поиске «работа для студентов, неполный день».

Выскочило двадцать вариантов. Я пролистала. Официантка. Администратор на ресепшн. Комплектовщица на складе. Уборщица в офисе. Поломойка в кафе.

Обратила внимание на кафе «Уголёк» – оно было в пятнадцати минутах пешком от университета. Требовалась посудомойка. Вечерние смены. 250 рублей в час. Записала номер телефона. Рядом – пиццерия «Неаполь», нужны разнорабочие на выходные. 300 рублей в час. Тоже записала.

Завтра же позвоню, – решила я. – С утра пораньше. Скажу, что могу работать после шести вечера. И в выходные – полный день.

К третьей паре я шла почти довольная. План был.

После занятий я вернулась в общежитие. Я зашла в комнату и с облегчением бросила рюкзак на кровать. Ноги гудели, голова шла кругом от новой информации, новых лиц, новых запахов. Элитка давила на меня своим величием, своими правилами, своими людьми.

– Ну что, первокурсница? – спросила Лена, откладывая книгу. – Как первые пары? Выжила?

– Почти, – я плюхнулась на кровать и уставилась в потолок.

– А ты сама на каком факультете? – спросила я разуваясь. – Я вчера даже не спросила у тебя.

– На биологическом. Анатомия, цитология, биохимия, – Лена закатила глаза. – У меня тоже была пара сегодня одна.

– Слушай, – сказала Лена, вставая и открывая шкаф. – Я привезла с собой немного продуктов. Мама положила. Может, сварим суп? Здесь, на первом этаже, есть маленькая кухня в конце коридора. Вдвоем веселее. Хотя по-человечески поедим, а не в столовке, где порции с напёрсток.

– Суп? – я удивилась. – Умеешь готовить?

– Суп то поди сварим, – улыбнулась Лена. – Я дома часто готовила с мамой. Думаю, простой суп мы осилим. Картошка есть, морковь, лук, немного курицы.

Я встала, чувствуя, как внутри разливается тепло. У меня не было слов, чтобы выразить благодарность. Мы точно с ней подружимся.

– Давай, – сказала я. – Я тоже кое-что умею. Только у меня продуктов почти нет.

– Это не важно. Главное – компания.

Мы пошли на кухню. Маленькая, но чистая, с плитой, раковиной и одним столом. Лена достала кастрюлю, я чистила картошку. Мы болтали. О всем подряд. О преподавателях, о группах, о том, как странно, что мы обе оказались здесь, в Элитке, хотя совсем не похожи на местных.

– Знаешь, – сказала Лена, помешивая суп, – я думала, что будет хуже.

Мы сели на кухне с тарелками горячего супа. Я чувствовала себя почти дома. И впервые за этот длинный день я улыбнулась по-настоящему.

– Мне отказали в подработке в универе. Говорят, первый триместр нельзя.

Лена подняла брови.

– А я и не пробовала. Знала, что откажут. Девочки с соседней комнаты рассказывали.

– Но я нашла кафешки рядом. Завтра позвоню.

– Думаешь, возьмут?

– Попытка не пытка, – я пожала плечами.

Суп получился на славу, мы вернулись в комнату. Я села на кровать и вдруг посмотрела на пакет с формой. Он стоял в углу, на стуле. Серая ткань выглядела из-под полиэтилена.

– Слушай, – сказала я Лене. – Давай примерим? Всё равно завтра надевать.

Лена отложила учебник. Улыбнулась.

– Давай.

Я достала форму. Распаковала всё на кровати. Серая юбка чуть выше колена. Серая жилетка с гербом университета – золотой лев на синем фоне. Белая рубашка с длинным рукавом. Чёрный галстук. И чёрные лосины, чтобы было тепло зимой.

Я разделась до футболки. Надела рубашку. Пуговицы мелкие, их много. Руки дрожали. Застегнула жилетку. Юбку. Лосины под низ.

– Повернись, – сказала Лена.

Я повернулась.

– Сними хвост, – добавила Лена.

Я распустила волосы. Русые, ниже плеч, слегка выющиеся на концах. Без укладки. Без маникюра. Без косметики. Просто я.

Лена достала телефон. Сфотографировала меня.

– Смотри, – она протянула мне экран.

Я смотрела на себя. Из зеркала ничего особенного. А на фото – другая. Серьёзная. Подтянутая. Герб на груди. Юбка сидит как влитая – надо отдать должное, размер угадали идеально. Лицо бледное, почти белое, но глаза горят.

В этой форме я была не просто Дашей. Я была студенткой Императорского Столичного. Равной среди... нет. Не равной. Но хотя бы не чужой.

– Ты красивая, – сказала Лена.

– Спасибо, – я криво улыбнулась. – Тебе тоже идет форма.

Лена засмеялась. Мы сделали несколько селфи. И в этот момент мне вдруг стало легче. Как будто форма стала броней.

Я сняла всё, аккуратно сложила обратно в пакет. Села на кровать, достала телефон.

– Маме позвоню, – сказала я. – Успокою.

Лена кивнула и отвернулась к окну.

– Алло? – голос мамы был тревожным. Она всегда отвечает после первого гудка. Всегда ждёт.

– Привет, мам. Это я.

– Даша! Как ты? Как добралась? Как устроилась?

– Всё хорошо, мам. Добралась нормально. В общежитие заселилась. Соседка Лена, она хорошая.

– А форма? Тебе выдали форму?

– Да, выдали. Я уже примерила. Всё красиво. Фото тебе пришлю. Говорят, мне идёт серая юбка.

Мама засмеялась. Грустно.

– Ты у меня красавица, дочка. В чём угодно.

– Ага, – я закусила губу, чтобы не разреветься. – Мам, я, наверное, найду подработку. В кафе рядом. Позвоню завтра.

– Работу? – голос мамы стал напряжённым. – Даша, может, не надо? Ты же учиться приехала. Я тебе ещё переведу, как смогу...

– Мам, не надо. Со всем справлюсь. Я уже большая. Ты за меня не переживай. Лучше расскажи, как сама.

Мама вздохнула. Начала рассказывать про кота, про соседку, про погоду. Обычные домашние новости. Я слушала и чувствовала, как напряжение отпускает. Здесь, в этой чужой комнате, голос мамы звучал как маяк. Как напоминание, что дома меня ждут.

– Держись, дочка, – сказала мама под конец. – Ты справишься.

– Спокойной ночи, мам.

– Спокойной ночи.

Я положила телефон. Легла на кровать. Посмотрела в потолок.

Завтра я позвоню в кафе. Потом в пиццерию. Потом ещё куда-нибудь. Я найду работу. Я оплачу форму. Я всё придумаю.

Лена уже сопела на своей кровати. Я закрыла глаза.

За окном темнело. Где-то далеко играла музыка. Но мне было уже всё равно. У меня был план. И я собиралась его выполнить.

Глава 3. Первое понимание

Я оделась потеплее — на улице было сыро, по-осеннему — и вышла из общежития. Форму я надела в первый раз. Волосы забрала в высокий хвост. Посмотрела на себя в зеркало в коридоре. Не я. Какая-то другая девушка. Правильная. Студентка. Я даже выпрямила спину.

Сегодня нам к третьей паре, поэтому успею пробежать пару адресов по работе.

В кармане лежал листок с номерами телефонов — кафе «Уголёк», пиццерия «Неаполь», ещё какая-то кофейня на углу. Я решила начать с них.

Кофейня была ближе всего. Пять минут пешком от общежития. Я вошла под звон колокольчика. Внутри пахло зернами и молоком. Девушка за стойкой мыла чашки. У неё были фиолетовые волосы и уставшие глаза.

– Здравствуйте, – сказала я. – Я ищу работу. Услышала, что вам нужны сотрудники.

Девушка вытерла руки.

– Нужны. Официантка на вечерние смены. Опыт есть?

– Нет, – честно ответила я. – Но я быстро учусь.

Девушка посмотрела на меня. С головы до ног. Осмотрела форму. Герб Императорского Столичного.

– Студентка? Какой курс?

– Первый курс.

Девушка вздохнула.

– Студентки у нас долго не держатся. То сессия, то практика, то настроения нет. Но давай попробуем. Оставь номер. Позвоню, если что.

Я продиктовала номер. Девушка записала его на салфетку. Салфетку положила под стойку. Я поняла, что звонка не будет. Но улыбнулась и сказала спасибо. А вдруг.

Дальше была пиццерия «Неаполь». Большие окна. Красные скатерти. За стойкой стоял парень лет двадцати пяти, в черном фартуке, с небритым лицом.

– Работа нужна? – спросил он раньше, чем я открыла рот.

– Да, – сказала я. – Посудомойка. Или разнорабочая. На вечерние смены или выходные.

Парень усмехнулся.

– Ты посмотри на себя. Руки белые. Ты хоть раз в жизни тарелки мыла?

– Мыла, – ответила я спокойно. – Тысячи раз.

Парень хмыкнул. Задумался.

– Ладно. Оставь телефон. Если через неделю никто не придёт, возьму тебя на пробную смену.

Я снова продиктовала номер. Парень записал его на листок, пришпиленный к холодильнику. Рядом с другими номерами. Много других номеров.

Я вышла из пиццерии и пошла дальше, время до пар еще есть. Кафе «Уголёк» оказалось за углом — маленькое, тёмное, с низкими потолками. За стойкой сидела полная женщина с короткой стрижкой. Она даже не дала мне договорить.

– Свободных мест нет. И не будет.

Я ушла. Оставила свой номер на кассе. Женщина даже не посмотрела на бумажку.

На выходе из кафе я достала телефон. Было уже двенадцать часов. Я обошла четыре места. Ноль предложений. Ноль обещаний. Только салфетки, листки и просьбы подождать.

Я спрятала телефон в карман и пошла обратно в университет. На пары.

На паре по истории лингвистики я села в третьем ряду. Писала конспект, слушала преподавателя. Передо мной сидели трое девчонок. Дорогие сумки, свежие маникюры, волосы уложены. Они говорили громко, будто в аудитории никого кроме них не было.

– Ты видела, во что был одет Лев вчера? – сказала одна, блондинка с накаченными губами.

– А кто смотрит на Льва? – ответила вторая, брюнетка с бриллиантом в носу. – Там без него есть на кого смотреть. Макс вчера был в новой рубашке от Zegna. Его отец весь Урал скупил, между прочим. Такой красавчик!

– А Дэн? – спросила третья, с рыжими волосами. – Дэн вообще в простой футболке был. И всё равно он круче всех. Вот бы с ним замутить.

Я наострила уши. Просто так, от нечего делать. И услышала такое, от чего стало не по себе.

– Дэна Терехова невозможно не заметить, – сказала блондинка. – Его семья..сейчас у них половина порта в городе и судоходная компания. Папашку его в прошлом году называли «теневым королём». А Дэн единственный наследник, но самостоятельно занялся отельным бизнесом, отец наверняка инвестирует в него. Но говорят развернулся уже хорошо, за несколько лет. От отца давно не зависит, такими деньгами крутит. Университет ему даром не нужен, но вроде родителям обещал закончить.

- В элитке он здесь главный. Не официально, конечно.

– А Макс Корсак? – спросила брюнетка. – Он же тоже не простой.

– Корсаки — это банковский сектор. Мать у него пила, говорят, Макс — единственный сын. Весь бизнес ему достанется. Поэтому он такой... секси в общем..

– Дэн круче, – сказала рыжая тихо. – Макс просто громкий. А Дэн тихий. И от этого страшнее, но слышала, ситуации, как он решает, аж кровь стынет.

Я опустила глаза в конспект. Сердце забилося быстрее. Судоходная компания. Банки. Порты. Половина города. Власть, о которой я не имела понятия.

Я попыталась сосредоточиться на лекции. Не получилось.

На перемене я вышла в коридор. Нужно было выпить воды. Автомат стоял на первом этаже. Я спустилась, купила бутылку. Вернулась.

И наткнулась на них.

Их было четверо. Макс — впереди. Чёрная рубашка, растрепанные волосы, вид скучающий. За ним — Артур и Лев. Артур, как я теперь знала, из семьи IT-магнатов. Его отец владел сетью дата-центров. Лев — из военных. Дед — генерал, отец — крупный подрядчик Минобороны.

И четвёртый. Парень чуть постарше смотрится, по сравнению со своими друзьями. С тёмными волосами, небрежно уложены. В сером пиджаке, под которым белая футболка. От него исходила дикая энергетика. Дэн Терехов. Наследник порта и судоходной компании. Теневой принц, как сказали девчонки.

Я узнала его не по внешности. Я узнала по тому, как другие на него смотрели. Лев чуть склонил голову. Артур убрал телефон. Макс повернулся и сделал шаг в сторону — пропуская старшего.

Макс заметил меня первым. Его лицо изменилось. Лёгкая усмешка. Узнавание.

– Опять ты, – сказал Макс. – Кузнецова.

Я промолчала. Шла мимо. Но Макс не унимался.

– Я слышал, ты ищешь работу. В кафешках ходишь. Оставляешь номера.

Я остановилась. Повернулась.

– Тебя это как касается?

– Меня? – Макс поднял брови. – Нет. Мне просто интересно. Студентка элитного университета моет посуду. Дорогое удовольствие на это посмотреть.

Я хотела ответить. Но в этот момент Дэн поднял голову.

Он посмотрел на меня.

Первый раз. По-настоящему. Не мельком. Не сквозь. А так, будто увидел впервые. Его глаза были тёмными. Спокойными. Без эмоций. Но в них было что-то, от чего у меня похо-

лодели руки. Девчонки на лекции сказали — тихий и страшный. Теперь я понимала почему. Один взгляд чего стоит.

– Это та самая? – спросил Дэн, не отводя взгляда.

Макс кивнул. Он перестал улыбаться. Серьёзно кивнул.

– Та самая.

Дэн убрал телефон в карман. Сделал шаг ко мне. Один шаг. Я не отступила.

– Кузнецова значит, – сказал он тихо.

Голос у него был низкий. Без насмешки. Без давления. Но от этого голоса хотелось напрячься.

Дэн усмехнулся. Одними губами.

– Посмотрим, – сказал Дэн. – Твоя форма, кстати, оплачена?

У меня перехватило дыхание. Откуда он знает? Откуда они все знают? Наверное, у них свои люди в деканате. Или просто слухи. В этой Элитке слухи расползаются быстрее, чем я успеваю моргнуть. Но я же не одна бюджетница во всем институте.

– Это не Ваше дело, – сказала я.

– Кто то у нас с зубками, – сказала Дэн, кивнул будто ожидал такого ответа.

– Если нужны деньги, – сказал он медленно. – Есть способы. Необременительные. Для таких, как ты. Подумай.

– Мне не нужны ваши способы, – я посмотрела ему в глаза. – Я сама справлюсь.

– Ну посмотрим смелый мышонок, – сказал со смешинками в глазах. – Беги на пару малышка.

Я развернулась и пошла. Спина прямая. Руки сжаты в кулаки. Я чувствовала их взгляды на своей спине.

малышка?!

Не обернулась.

Только когда свернула за угол, выдохнула. Прислонилась к стене. Сердце колотилось как бешеное. В ушах шумело.

Он заметил, – прошептала я. – Дэн меня заметил.

Черт!

Я не знала, хорошо это или плохо. Но чутьё подсказывало — плохо. Очень плохо.

После занятий я вернулась в общежитие. Я села на кровать, стащила туфли — они натерли ноги. Новые, не разношенные.

– Как день? Что нового? – спросила Лена.

– Никуда не взяли, – сказала я.

Я легла на кровать. Закрыла глаза. Перед глазами стояли лица. Макс с его усмешкой — он забавлялся, как кот с мышкой. И Дэн. Тёмные глаза. Спокойный голос.

– Вот уж спасибо, – сказала сама себе.

На ужин у меня было яблоко и йогурт. Сбегала в душ.

Я попыталась уснуть. Но сон не шёл. В голове крутилась одна мысль — они теперь будут следить. И от этого становилось страшно и зло одновременно. Потому что Дэн Терехов не просто так обращает внимание.

За окном шумел город. Чужая жизнь. Чужие проблемы.

Глава 4. Два дня из жизни

Следующие дни прошли как под копирку. Я просыпалась в полседьмого, умывалась, завязывала волосы в хвост и натягивала форму. Я привыкла к ней. Почти. Туфли всё ещё натирали, но я наклеила пластыри на пятки, и стало легче.

Лена чаще вставала раньше меня. Она любила утро. Сидела на подоконнике с кружкой чая и смотрела в окно.

– Ты сегодня опять на поиски работы? – спросила она.

– Опять, – сказала я, застёгивая пуговицы на рубашке. – Деньги нужны.

Лена допила чай и сползла с подоконника.

– Слушай, – сказала она. – А пойдём сегодня вечером в пиццерию, на углу которая. Я угощаю. У меня есть немного, мама прислала.

– Лена, ты чего? У тебя самой...

– Даша, – перебила она. – Ты уже три дня вообще что-нибудь ешь кроме чая с булкой?

– Йогурт иногда, – сказала я.

– Вот именно. Сегодня идём в пиццерию. Я угощаю. Без вариантов.

– Но...

– Без вариантов, Кузнецова. Ты моя соседка и теперь моя подруга. А подруги приглашают друг друга в кафе..это нормально.

Я посмотрела на Лену, улыбалась она широко. Я засмеялась.

– Ладно. Сдаюсь. Вечером идём в пиццерию.

– Вот и отлично, – Лена подмигнула. – А теперь давай на пары. А то опоздаем.

Первая пара была по введению в языкознание. Елена Викторовна вызвала меня к доске.

– Кузнецова, – сказала она. – Расскажите нам о фонетических процессах в русском языке. Кратко. Но с примерами.

Я вышла к доске. Взяла мел. В аудитории было тихо. Человек тридцать смотрели на меня. Я не люблю, когда смотрят. Но я люблю, когда я знаю ответ.

– Фонетические процессы – это изменения звуков под влиянием соседних звуков или позиции в слове, – начала я. – Например, оглушение звонких согласных на конце слова. «Дуб» мы произносим как [дуп]. Или ассимиляция по звонкости. «Сделать» произносится как [зде-латъ].

Я написала на доске транскрипцию. Елена Викторовна кивнула.

– Хорошо. А редукция?

– Редукция – это изменение гласных в безударной позиции, – сказала я. – Например, в слове «молоко» первый и третий гласные звучат как [а] или [ъ]. [малако].

– Отлично, – сказала Елена Викторовна. – Пятёрка, Кузнецова. Садитесь.

Саша с третьего ряда показал мне большой палец. Я слегка улыбнулась, искреннее внимание было приятно. После пары он подошёл ко мне в коридоре.

– Даша, ты просто огнище, ты вообще всё знаешь?

– Учю просто хорошо, – сказала я.

– Не просто. Преподы уже заметили.

– Может сходим куда-нибудь, кино.. кафе? - замялся Саша.

– Ну я подумаю, - замялась я. Не уверена, что хочу с ним куда либо идти. Но отказать не удобно было, милый парень.

Я пожала плечами. Мне было приятно приглашение, но внутри всё равно сидела тревога. Вроде бы все хорошо. Учёба шла, с Леной мы подружились, но внутри меня, где-то глубоко, жила тревога.

Второй парой была практическая фонетика. Преподаватель, тот самый мужчина с бородой, разбил нас на пары. Мне достался парень по имени Серёжа Брагин.

Я его раньше замечала. Он сидел на первом ряду, всегда с макбуком, всегда в идеально выглаженной рубашке. Дорогие часы на руке. Волосы уложены гелем. Из тех, кто не учится, а присутствует. Но сегодня мы оказались в одной паре.

– Привет, Кузнецова, – сказал Серёжа, развалившись на стуле. Он даже не повернулся ко мне нормально. Откинулся на спинку, закинул ногу на ногу.

– Привет, – сказала я, открывая тетрадь. – Мы должны отработать произношение, – я ткнула пальцем в учебник.

– А может, не будем? – он подался ближе. – Давай лучше поболтаем. Расскажи, как ты в Элитку попала. По блату?

– По уму.

– Ого. Умная и симпатичная. Редкое сочетание.

– А ты наглый и ленивый. Частое сочетание.

Серёжа хлопнул ладонью по столу.

– Жесть, Кузнецова. Ты бы ещё сказала, что я мажор без мозгов.

– А ты мажор без мозгов?

– С мозгами, – сказал он, подмигнув. – Просто скрываю.

– Ага. Шпион в мире элиты. Засекреченный тупица.

Серёжа заржал. У него был громкий смех. Заразительный.

– Ты прикольная, – сказал он. – Слушай, давай после пар выпьем кофе? Я угощаю.

– Серёжа, я после пар ищу работу. Мне не до кофе, если ты не заметил.

– Работу? – он удивился. – Зачем? Ты же учишься.

– Затем, что форму нужно оплатить. Тридцать штук. Через три недели.

Он присвистнул.

– Ясно. И что, совсем никак?

– А ты дашь?

– Я бы дал, – сказал он честно. – Но ты же не возьмёшь.

– Правильно понял, – сказала я.

– Я просто знаю таких, – Серёжа пожал плечами. – Гордые.

Он посмотрел на меня. Улыбнулся. По-дружески.

– Ладно, Кузнецова. Если не найдёшь работу, у меня есть знакомый. Могу словечко замолвить.

– О, – я усмехнулась.

– Ты сразу не отказывайся, – сказал Серёжа.

– Ага, – сказала я. – Запомнила. А теперь давай учить английские гласные. Ты [i:] и [ɪ] путаешь.

– А ты занудная, Кузнецова, – сказал он, но взял учебник.

В конце пары он встал, собрал вещи, бросил на прощание:

– Если передумаешь, звони.

Я осталась сидеть. Лена подошла ко мне с другой стороны аудитории.

– Что это было? – спросила она.

– Ничего, – сказала я. – Студент пытался меня на кофе позвать.

– И ты отказалась?

– Я ищу работу, Лена. А не свидания.

Лена хмыкнула.

– Ты с ним разговаривала?

– Ну, у нас была пара.

– А зря отказалась, – Лена улыбнулась. – Он симпатичный.

– Я просто не хочу, чтобы меня считали доступной. Не верю мажорам.

Лена кивнула. Мы пошли на следующую пару.

Серёжа был прав. Я знала, что он поможет, если попрошу. Но я не попрошу, второй раз его вижу. С мажорами опасно связываться, потом не рассчитаешься, да и время ещё есть.

После пар мы с Леной зашли в столовую. Взяли подносы. Я хотела снова взять только чай и булку, но Лена молча положила мне гречку с котлетой и чай. Я не стала спорить.

Мы сели за столик у окна. Сытно поев, мы пили чай и Лена листала телефон.

И тут мы услышали разговор. Три голоса. Громкие. Уверенные. Явно желающие, чтобы их подслушали.

Аня. И её подруги – брюнетка с бриллиантом в носу и рыжая, которая вечно молчит. Они сели за соседний столик. Аня – спиной ко мне. Брюнетка напротив. Рыжая с краю.

– Я не понимаю, – сказала Аня громко, даже не понижая голос. – Почему в столовой так много бюджетников. Им же выделяют отдельную комнату? Или только в библиотеке?

– Вроде отдельной столовой нет, – сказала брюнетка. – Но должно быть. От них же воняет.

– Дешёвым шампунем, – уточнила Аня. – И отчаянием.

Я подняла голову. Лена замерла с чашкой в руке.

Аня повернулась через плечо. Смотрела прямо на меня. Улыбалась.

– О, как форма? Уже оплатили? Или всё ещё собираете по копейке?

Я поставила стакан с чаем.

– А тебя смотри, это волнует? Хочешь помочь?

– Меня – нет, не волнует, и уж тем более помогать всем нищим не собираюсь. – Аня взяла со своего подноса салат, поковыряла вилок. – Просто интересно.

– Аня, – тихо сказала рыжая. – Хватит.

– А что? – Аня повысила голос. Теперь на нас смотрели и с других столиков. – Я имею право спросить. Моя семья содержит этот университет. Папа в попечительском совете. Без его денег ты бы здесь даже порога не переступила, Кузнецова. Так что будь добра, ответь.

Я смотрела на неё. Руки не дрожали. Горло не сжималось.

– Твой папа, – сказала я медленно, – содержит университет не потому, что он добрый. А по другим причинам, у него своя выгода. Ты здесь на бюджете его денег. А я – на бюджете своих мозгов. Так что не путай.

Аня сощурилась.

– Какая смелая. А знаешь, что бывает со смелыми грантницами?

– Расскажи.

– Их отчисляют, – сказала Аня тихо. – Быстро. Грязно. И никто не вспоминает их имён. Потому что на их место приходят сотни таких же. Голодных и глупых.

Я встала. Лена дёрнула меня за рукав.

Я не села. Посмотрела на неё сверху вниз. Взяла свой поднос.

– Твой папа может быть кем угодно. Попечителем. Спонсором. Даже ректором. Но меня ты не выгонишь. Потому что я не нарушаю правила. Я учусь. Я не пью в общежитии и не воруя. Так что иди жаловаться папе. Только ему будет стыдно.

– Ты...

– Я все сказала, – я развернулась и пошла к выходу.

Лена за мной.

Я не обернулась. Шла прямо. На выходе из столовой толкнула дверь плечом. Лена догнала меня в коридоре.

– Ты сумасшедшая, – сказала Лена. – У неё отец в попечительском совете.

– А у меня мама на складе, – сказала я. – И что?

– Она может тебя достать.

– Пусть попробует.

Лена посмотрела на меня. Вздохнула.

– Ладно. Ты крутая. Но в следующий раз просто молчи. Не надо с ними связываться. Врагов наживешь.

– Она первая начала. Не могу молчать, когда не справедливо. Сама она еще ни чего не заработала, чтобы выпендриваться.

– И всегда будет первой. Потому что у неё есть деньги. А у нас – только учёба.

Я не ответила. Пошла к аудитории. Лена – за мной.

В коридоре было пусто. Только в конце, у окна, стоял в тёмном пиджаке.

Дэн.

Смотрел на меня. Прислонившись к подоконнику. Руки в карманах. Лицо спокойное. Но глаза...

Глаза были тяжёлыми. Интересными. Нездоровыми какими то.

– Слышал, – сказал он, когда я поравнялась с ним. – Интересный у тебя диалог с Аней получился.

– Тебе то что? – спросила я, все ещё заведенная после разговора с Анной.

– Её отец действительно в попечительском совете. И он действительно может тебя выгнать.

– Но ты этого не хочешь? – спросила я.

Дэн усмехнулся. Одними губами.

– Не хочу, Кузнецова. Ты мне интересна.

– Ты уже говорил.

– Повторю.

После нескольких секунд молчания. Он развернулся и ушёл. Не оглядываясь. Я стояла и смотрела ему вслед.

– Даша, – прошептала Лена. – Это тот самый? Дэн?

– Тот самый, – сказала я.

– Он на тебя так смотрел.

– Я заметила.

– Это плохо?

– Не знаю, – сказала я. – Но мне страшно.

Мы пошли на пару. Лена не задавала вопросов. Я не отвечала. Но всю дорогу я чувствовала на своей спине чужой взгляд. Хотя Дэн давно ушёл.

После всех пар мы вышли на улицу. На парковке, у чёрного внедорожника, стоял Дэн.

Он был один. Без Макса. Без Льва. Без Артура. Руки в карманах. Он смотрел в мою сторону.

Я не знала, как долго он стоял. Может, минуту. Может, все пять. Его лицо было спокойным. Без эмоций. Но глаза... глаза смотрели пристально. Тяжело. Как будто он решал, что со мной делать.

– Даша, – Лена дёрнула меня за рукав. – Ты чего встала?

– Ничего, – сказала я. – Показалось.

Я пошла быстрее. Лена за мной.

– Знаешь, – сказала Лена, когда мы зашли в корпус. – Тот парень на парковке. – Даш...

Я не ответила. Я смотрела прямо перед собой и старалась не думать о том, как Дэн смотрел на меня. Тяжело. Спокойно. Нездорово. С интересом, от которого хотелось убежать.

Вечером мы пошли в пиццерию. Ту самую, на углу. Маленькая, уютная, пахнет тестом и сыром. Мы взяли пиццу Маргариту и две колы.

Мы ели пиццу. Болтали. Лена рассказывала про свой Краснокамск, про лес, про собаку, которую зовут Бантик.

– Бантик? – переспросила я. – Серьёзно?

– Серьёзно. Он большой и страшный. Но очень любит обниматься.

Я представила огромного пса по имени Бантик и засмеялась.

– А у вас? – спросила Лена. – Дома кто?

– Мама. И кот. Васька.

– Они, наверное, скучают.

– Скучают, – сказала я. – Я тоже скучаю.

Мы допили колу. Я посмотрела в окно. За стеклом темнело. Горели фонари.

– Лен, – сказала я. – А ты не боишься? Здесь вообще?

– Боюсь не много, – честно сказала Лена.

На выходе из пиццерии я снова увидела чёрный внедорожник. Он стоял напротив, у тротуара.

Дэн сидел за рулём. Он смотрел на меня. Спокойно. Тяжело.

Я сжала кулаки. Прошла мимо. Не обернулась. Но чувствовала его взгляд на своей спине до самой двери общежития.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.